

РУССКО-КАЗАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В 1530-е гг.

Моисеев Максим Владимирович

Музейное объединение «Музей Москвы»,
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия
maksimoiseev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история «казанского вопроса» в международных отношениях в Восточной Европе 1530-х гг. Показано, как эта внешнеполитическая проблематика из локальной переросла в региональную, в решение которой оказались втянуты Ногайская Орда, Астраханское ханство, Крымское ханство и Великое княжество Литовское. В работе анализируются сохранившиеся фрагменты казанско-литовской переписки. Оспаривается изменение датировки одного из посланий, предложенное К.Ю. Ерусалимским. Делается итоговый вывод, что попытка привлечь к русско-казанским отношениям Вильно, предпринятая Сафа-Гиреем, оказалась не очень удачной. Ногайская Орда в конфликте между Москвой и Казанью не сделала окончательного выбора. Часть кочевой знати участвовала в нападениях на русские земли, а часть, напротив, настаивала на замирении противоборствующих сторон. Особое внимание уделено дипломатическому маневрированию казанского хана Сафа-Гирея. Используя переговоры, намеренно их затягивая, он смог добиться сохранения оборонного потенциала Казани, не отдав русским городской артиллерии. Наиболее действенным стало вмешательство крымского хана Сахиб-Гирея, принудившего стороны к перемирию. Однако мирные переговоры были сорваны казанским ханом Сафа-Гиреем, и конфликт перешел в необратимую фазу.

Ключевые слова: русско-казанские отношения, дипломатическая переписка Ивана Грозного, казанско-литовские отношения, грамоты, посольские книги, летописи, Казанское ханство.

Цитирование: Моисеев М.В. Русско-казанское противостояние и международные отношения в Восточной Европе в 1530-е гг. // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 28–42. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-28-42 / Moiseev M.V. The Russian-Kazan confrontation and international relations in Eastern Europe in the 1530s, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No 1. Pp. 28–42. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-28-42.

© Моисеев М.В., 2022

THE RUSSIAN-KAZAN CONFRONTATION AND INTERNATIONAL RELATIONS IN EASTERN EUROPE IN THE 1530s

Moiseev Maksim V.

Museum Association "Museum of Moscow",
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia
maksimoiseev@yandex.ru

Abstract. The article examines the history of the "Kazan question" in international relations in Eastern Europe in the 1530s. The article shows how this issue has evolved from a local one into a regional one, in the solution of which the Nogai Horde, the Astrakhan Khanate, the Crimean Khanate and the Grand Duchy of Lithuania were involved. The paper analyzes the preserved fragments of the Kazan-Lithuanian correspondence. The article disputes the change in the dating of one of the messages proposed by K. Ju. Erusalimskij. The author draws a conclusion that the attempt to attract Vilna to Russian-Kazan relations, undertaken by Safa-Giray, was not very successful. The Nogai Horde did not make a final choice in the conflict between Moscow and Kazan. Part of the nomadic nobility participated in attacks on Russian lands, and some, on the contrary, insisted on pacifying the opposing sides. Special attention is paid to the diplomatic maneuvering of the Kazan Khan Safa-Giray. Using negotiations, deliberately delaying them, he was able to achieve the preservation of the defense potential of Kazan, without giving up the city artillery to the Russians. The most effective was the intervention of the Crimean Khan Sahib Giray, who forced the parties to a truce. However, the peace talks were disrupted by the Kazan Khan Safa-Giray, and the conflict moved into an irreversible phase.

Keywords: Russian-Kazan relations, diplomatic correspondence of Ivan the Terrible, Kazan-Lithuanian relations, diplomas, embassy books, chronicles, Kazan Khanate.

Отношения между Московским государством и Казанским ханством имели конфронтационный характер. Особенно противоречия углубились после того, как казанская знать возвела на престол власти в Казани младшего сына крымского хана Менгли-Гирея – Сахиб-Гирея. Этот выбор разрушил внешнеполитические планы великого князя Василия III и его окружения. Это означало также, что «казанский вопрос» из узколокальной проблематики двусторонних отношений выходил на новый уровень. Наша статья посвящена истории русско-казанских отношений в 1530-е гг. Данный период выбран не случайно, так как именно в это время вокруг всего комплекса отношений между Москвой и Казанским ханством формируются группы интересантов, преследовавших свои цели. Казанский хан Сафа-Гирей в международных отношениях занимал активную позицию, стараясь создать широкий «антимосковский» фронт стран от Вильно до ногайского Сарайчука. Целью нашей работы является показать политику Сафа-Гирея. Для ее достижения мы проанализируем его маневрирование в ходе переговоров с Василием III в 1531–1532 гг., отношения с Москвой казанской знати в 1532–1535 гг. и, наконец, крайне насыщенный период 1535–1539 гг., когда Сафа-Гирей сначала вел вооруженную борьбу с Московским государством, а затем при посредничестве крымского хана Сахиб-Гирея вернулся к мирным переговорам.

10 июля 1530 г. под Казанью состоялось решающее сражение, в котором рать хана Сафа-Гирея была разгромлена русскими полками. Русские взяли острог по Булаку и приступили к артиллерийскому обстрелу Казани (подробнее см.: [Илюшин, 2021, с. 271–306]). В ответ из города выехала делегация переговорщиков, в которую входили Булат-бек, Аппай-оглан и Табай-бек. После переговоров был установлен режим перемирия. Казанская знать присягнула на том, что «имъ ко государю великому послати добивати челомъ за свою вину да и отъ государя имъ неотступнымъ быти и царя имъ на Казань ни отколѣ не имати, оприче государя, ково имъ пожалуетъ князь велики дасть, да приведши к шерти всѣхъ во всей воли великого князя воеводы возвратишася въ свояси» [ПСРЛ-13, с. 48]. Казанское посольство не заставило себя ждать, уже осенью 1530 г.¹ в Москву приехала представительная делегация: Табай-бек, Тевекель-бек и Ибрахим-бакшей. Бакшей – специалисты по письменному переводу и организации документооборота в контактах между Московским государством и татарскими государствами [Беляков, 2021, с. 67]. Включение в состав казанского посольства бакшей явно подчеркивало серьезность намерений. Стороны должны были подготовить документы для взаимного шертования. Можем полагать, что Ибрахим-бакшей должен был написать казанский вариант

¹ В Никоновской летописи эта статья датирована «лѣто 7039», что может указывать на сентябрьское новолетие, так как само сражение состоялось 10 июля 7038 (1530 г.), следующие за тем события: захват острога по Булаку, начало обстрела Казани и переговоры, – хоть и не датированы, скорее всего имели место в течение июля. Условием снятия осады было обязательство казанцев прислать в Москву послов. Если принять во внимание обстоятельства заключения перемирия, то можно признать, что казанцы не откладывали этот вопрос в «долгий ящик» и отправили послов не позднее августа. Путь их до Москвы занимал около месяца. Поэтому вполне возможно, что послы прибыли в стольный град уже в сентябре.

шерти. Это указывает на то, что Казанское ханство в это время рассматривалось Москвой как равноправный партнер¹.

Итогом переговоров стало шертование послов и подготовка шерти для присяги хану, бекам и «всей земли Казанской людем». В январе 1531 г. с этими записями в Казань был направлен Иван Васильев сын Полев с казанским гонцом Баушем, сами же казанские послы были оставлены в Москве. 26 марта 1531 г. в Москву от Полева прибыл сын боярский Сура Нехаев с грамотой, из которой стало известно, что хан Сафа-Гирей отказался шертовать и не сдал русским пищали. В своем послании Сафа-Гирей настаивал на том, чтобы великий князь отпустил ханских послов, отдал захваченные под Казанью «пушки и пищали», освободил плененных казанцев. Только после выполнения этих условий хан был согласен на шертование [ПСРЛ-13, с. 54]. Очевидно, что хан Сафа-Гирей, с помощью перемирия добившись снятия осады, не спешил выполнять данные обещания, намеренно затягивал переговоры.

Поведение хана возмутило русскую сторону, и на переговорах между Ф.И. Карповым и дьяком Меньшим Путятиным с Табаем-беком «съ товарищи» прозвучали слова обвинения в невыполнении возложенных на себя обязательств. В ответной речи Табай подчеркнул, что он получил сведения о том, что хану стало известно о движении русской рати на Казань. Именно поэтому хан отказался исполнять условия шерти. Затем Табай сообщил следующее: «А вѣдаете сами, что въ Казани людей добрыхъ мало, все люди мѣлкіе, ино земли крѣпите нѣкому, люди всѣ въ розни; а въ страхованіи въ великомъ люди штаталися, и наша мысль не иметь» [ПСРЛ-13, с. 55].

Очевидно, что большой казанский посол в этой речи снимал с себя ответственность за поведение хана, хотя и попытался объяснить манеру поведения Сафа-Гирея. Сообщая, что в Казани добрых людей мало, Табай, видимо, указывал на неутешительные итоги сражения 10 июля 1530 г., в котором казанская знать понесла серьезные потери. После этого Табай в своей речи возлагал ответственность за срыв договоренностей на ногаев и крымцев, окружавших хана. Завершая свою речь, казанский сановник сообщил, что в Казани совсем не против, если Василий III Иванович пришлет другого хана. Ф.И. Карпов с Путятиным сообщили об этом великому князю. После этого переговоры с казанским посольством приобрели иной характер.

В конечном итоге было принято решение возвести на казанский престол Шах-Али. Для этого его должны были направить в Васильгород (Васильсурск) вместе с послами и казанским полоном [ПСРЛ-13, с. 55–56]. Чтобы выяснить степень готовности казанской знати поддержать русскую кандидатуру на престол и выступить против Сафа-Гирея, в Казань к Качигали-мирзе и Булат-беку был отправлен Постник

¹ Право составления шерти в русско-татарских отношениях является маркером статуса договаривающихся сторон. Так, Крымское ханство обладало правом составления шертных записей, а вот Ногайская Орда этого права была лишена, и все шертные записи составлялись московскими чиновниками [Моисеев, 2014, с. 84–90].

Головин [ПСРЛ-13, с. 56]. 10 декабря 1531 г. после совещания с боярами великий князь отправил Шах-Али и казанских послов в Нижний Новгород [ПСРЛ-13, с. 56]¹.

17 мая 1532 г. Постник Головин вернулся и сообщил о попытке убийства ханом посла Ивана Полева и о том, что вмешательство казанской знати, получившей грамоты от Табай-бека с товарищами, предотвратило эту расправу. 19 мая 1532 г. в Москву из Казани приехали гонцы с посланиями от Гаухаршад-ханике, Кичигали-мирзы, Булат-бека, огланов и «всей Казанской земли». Они сообщали о смещении Сафа-Гирея и просили прислать на казанский престол не Шах-Али, а его брата Джан-Али. Великий князь Василий III принял это предложение благосклонно и отозвал Шах-Али в Москву.

В Касимов к Джан-Али отправили Федора Демида Семенова сына Воронцова с предписанием выдвинуться к царевичу в Васильгород. В Нижнем Новгороде состоялся ритуал приведения к шерти царевича, который после этого в окружении казанских послов и русских сопровождающих направился в Казань. 29 июня 1532 г. Джан-Али был торжественно возведен на казанский престол [ПСРЛ-8, с. 277; ПСРЛ-13, с. 57]². 22 февраля 1533 г. в Москву прибыло казанское посольство, которому удалось добиться от великого князя Василия III разрешения оставить в Казани городскую артиллерию [ПСРЛ-13, с. 68], а 6 июня 1533 г. в Москве уже было новое посольство с просьбой разрешить брак Джан-Али с дочерью ногайского мирзы Юсуфа. 10 августа 1533 г. посольство отправилось домой с полученным разрешением [ПСРЛ-13, с. 69].

Этот брак, по мысли окружения Джан-Али, должен был стабилизировать его положение в ханстве, и первоначально это действительно было так. Вплоть до конца 1534 г. ногаи поддерживали нового казанского хана, угрожая казанцам, в случае его изгнания, военной поддержкой московского ставленника. Однако уже в 1535 г. настроения части ногайской знати переменились. Около Казани кочевали Юсуф, тесть нынешнего казанского хана, и тесть прежнего хана Мамай. Юсуф принял посланника своей дочери Сююн-бике, который сообщил, что Джан-Али ее не любит. Тогда разгневанный отец потребовал от казанцев изгнать ветреного зятя и вернуть ему его дитя [ПКСРНО, с. 128, 129, 150]. 25 сентября 1535 г. незадачливый молодой супруг был убит, а на

¹ Такая задержка с принятием решения объясняется следующим. 17 сентября 1531 г. Василий III с женой и сыном Иваном отправился в Троице-Сергиев монастырь, а затем «на свою царскую потѣху» в Волок Ламский и в Можайск, откуда вернулся в Москву 19 ноября 1531 г. См.: [ПСРЛ-13, с. 56; ПСРЛ-8, с. 276].

² М.Г. Худяков датирует эти события декабрем 1530–1531 г. См.: [Худяков, 1991, с. 96]. Такой же датировки придерживается и Р.Ю. Почекаев. См.: [Почекаев, Почекаева, 2012, с. 232]. Однако эта датировка связана с механическим перенесением датировки, поставленной в колонтитул при издании летописей. Так, при издании Воскресенской летописи в заголовке издатели указали 7039 г. Но в самом тексте и Воскресенской, и Никоновской летописей помещена датировка поездки великого князя с семьей на богомолье, послужившей своего рода границей между событиями 7039 и 7040 гг.: «А самъ князь великы поѣхалъ к живоначалной Троицы въ Сергіевъ монастырь ... четыредесятого лѣта, сентября 17...» [ПСРЛ-8, с. 276; ПСРЛ-13, с. 56]. В Русском хронографе редакции 1512 г. возведение Джан-Али на казанский престол датируется июнем 7040, то есть 1532 г. См.: [ПСРЛ-22, с. 522].

казанский престол казанская знать возвела крымского султана Сафа-Гирея [ПСРЛ-13, с. 88]. Эта рокировка возобновила русско-казанскую войну.

6 января 1536 г. казанцы приходили к Нижнему Новгороду и Балахне, пожгли посад и «бѣглых людей на Волзѣ много поськли». Только известие о подходе из Мурома воеводы князя Ф. М. Мстиславского заставило нападавших отступить [ПСРЛ-13, с. 88–89]. Осенью 1536 г. казанцы напали на костромские места. Им удалось смять русскую заставу. В бою погиб ее воевода князь П. В. Засекин-Пестрый и Меншик Полев, и только сведения о подходе основных русских сил заставили казанцев свернуть наступление и уйти восвояси [ПСРЛ-13, с. 90]. В январе 1537 г. «на всеядной неделе» казанский хан Сафа-Гирей с войсками подошел под Муром. Были сожжены муромские посады, села и деревни. Ареал нападений распространился от Муром до Нижнего Новгорода. И вновь сообщение о подходе основных сил вынудило казанцев уйти восвояси [Тихомиров, 1954, с. 285].

Итак, в 1536–1537 гг. казанцы совершили серию походов на муромо-нижегородские земли, подвергая их разорению. При этом они не тратили время на осады и, получив сведения о подходе дополнительных русских отрядов, тут же ретировались. Во втором отрывке летописчика Марка Левкеинского¹ этим событиям посвящена отдельная статья, помещенная под 7044 годом. В ней автор указывал на всеобщий характер сопротивления русским в Среднем Поволжье и отмечал, что хан Сафа-Гирей пошел на «Московскую страну, и плиниша многие веси и села, даж до Новагорода до Нижнего и до Мурома» [Зимин, 1950, с. 14]. 15 января 1537 г. основное направление удара пришлось на Муром. Хотя город взять приступом казанцам не удалось, но многие волости подверглись разорению [ПСРЛ-13, с. 116; Котляров, 2017, с. 223]. Сафа-Гирей в своем послании к польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Старому сообщал, что зимой 1537 г. вместе с ногайскими мирзами подверг разорению московскую землю вплоть до «Студенного моря» [Eskin, Grała, 2016, p. 206].

Остановимся подробнее на казанско-литовской дипломатической переписке. К 30-м гг. XVI в. относятся попытки Сафа-Гирея активизировать свои отношения с Великим княжеством Литовским. Следы этой дипломатической активности зафиксированы в рукописи Библиотеки Чарторыйских № 2893 и в Главном архиве древних актов в Варшаве в фонде архива Радзивиллов, отд. 2 № 3294². Сначала в научный оборот были введены документы архива Радзивиллов, копии с которых были переданы Генеральной дирекцией государственных архивов Республики

¹ Марк Левкеинский – монах Иосифо-Волоколамского монастыря, в описи книг этого монастыря ему атрибутировано пять рукописей. Учитывая, что в описи книг монастыря 1545 г. сделана помета 28.04.1565 г., что «после Марка Левкеинского» осталось 5 рукописей, то можно полагать, что он умер до апреля 1565 г., но после 1545 г. А. А. Зимин датировал этот летописчик 1552 г.; следовательно, промежуток возможной смерти Марка можно сузить до 1552–апреля 1565 г. Общую информацию о Марке см.: [Дмитриева, 1989, с. 102–103].

² Подробное исследование этих кодексов и публикации подборок дипломатических посланий см.: [Ерусалимский, 2017, с. 866–920].

Польша в качестве дара начальнику Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ Д.Р. Шарафутдинову в период его пребывания в Польше [Мустафина, 1997, с. 26]. В 1997 г. они были опубликованы Д.А. Мустафиной. Она же первой предложила датировать всю эту подборку оригиналов казанских писем периодом не ранее апреля 1538 г. и не позднее августа 1545 г. [Мустафина, 1997, с. 30]. В свою очередь Д. Ващук, опираясь на анализ филиграней, сузил хронологию этой подборки до апреля-декабря 1538 г. [Ващук, 2014, с. 120–126], что было оспорено Х. Гралей и Ю.М. Эскиным, показавшими, что водяной знак бумаги рукописи бытовал в широких хронологических рамках со второй половины 1520-х до второй половины 1540-х гг. Эти исследователи предложили датировать всю эту подборку посланий зимой-весной 1537 г. [Eskin, Grala, 2016, p. 196–198].

Недавно К.Ю. Ерусалимский предложил свое видение происхождения и датировки этого комплекса документов. Он утверждает, что вся эта т.н. варшавская подборка не представляет собой единого целого и не может быть вся датирована в рамках узкого хронологического периода [Ерусалимский, 2017, с. 873]. По мнению исследователя, первое послание Сафа-Гирея Сигизмунду I Старому должно быть датировано не 1537 г., а весной-летом 1524 г. Как аргумент в пользу своей датировки автор приводит следующие соображения. В начале письма Сафа упоминает события 1521–1523 гг.: поход Мухаммед-Гирея I на Москву, переворот в Казани и приход к власти Сахиб-Гирея. К.Ю. Ерусалимский полагает, что фраза этой грамоты: «Послов есми московских казал поимати и до казни посажата, а инших велел есми потратить» подразумевает убийство московского посланника В.Ю. Поджогина в 1523 г. А прямое сообщение об убийстве хана — московского ставленника, которое большинство историков связывают с гибелью Джан-Али в 1535 г., К.Ю. Ерусалимский для подтверждения своей датировки объясняет отсутствием сведений о судьбе Шах-Али, изгнанного из Казани как раз в 1521 г. [Ерусалимский, 2017, с. 874–875]. Однако подобное объяснение не выглядит убедительным. Все источники фиксируют, что в 1521 г. на престол взошел все-таки Сахиб-Гирей, и странно бы было, что Сафа-Гирей, писавший это послание, смог бы перепутать, кого именно и когда возвели на казанский престол. По сути, для признания интерпретации, предложенной К.Ю. Ерусалимским, придется пересмотреть авторство этого послания и приписать его Сахиб-Гирею, но документ начинается однозначно: «Сафакгирии царь». Доводов же для такого пересмотра исследователь не предложил. Более того, ряд ранее сделанных допущений привел к тому, что автору пришлось придумывать еще один период правления для хана Хаджи-Тархана Абд ар-Рахмана. Так, чтобы вписать его упоминание в послании в свою концепцию, историк предположил, что кроме известных дат правления Абд ар-Рахмана в 1533–1537 и 1539–1545 гг., он мог править еще и в 1524 г. [Ерусалимский, 2017, с. 875]. Конечно, последовательность хаджитарханских ханов нам известна фрагментарно [Зайцев, 2004, с. 109–146], но и никаких иных дополнительных доводов в пользу этого предположения автор не предлагает!

Второе послание «варшавской подборки» К.Ю. Ерусалимский датирует кануном московско-казанской войны 1530 г. и отмечает сомнительность участия в событиях,

описанных в послании, Сахиб-Гирея, хотя в заголовке переведенной грамоты указано авторство именно Сахиба, а не Сафа-Гирея [Ерусалимский, 2017, с. 875–876]. Третье послание исследователь датировал началом 1520-х гг., а следовавшие затем краткие описания посланий от Сафа-Гирея и его окружения датирует серединой 1520-х гг. [Ерусалимский, 2017, с. 876]. В итоге автор приходит к выводу, что эта подборка представляет собой сборник посланий, написанных в разное время и не составляющих единого непрерывного комплекса [Ерусалимский, 2017, с. 876–877].

Анализируя переписку Гиреев с Сигизмундом Старым, отложившуюся в рукописи № 2893 из Библиотеки Чарторыйских, К.Ю. Ерусалимский предложил датировать первое послание Сахиб-Гирея 1537 годом, послание от Сафа-Гирея – 1524 годом. Также историк высказал предположение о том, что обе эти подборки некогда были единым собранием ярлыков, которое по неизвестным причинам распалось и ныне хранится в двух разных кодексах [Ерусалимский, 2017, с. 877–878].

Рассуждения К.Ю. Ерусалимского представляются крайне интересными, но полностью они приняты быть не могут. Особенно это касается сомнительной датировки послания Сафа-Гирея из «варшавской подборки» весной-летом 1524 г. Слабым местом является упоминание Абд ар-Рахмана и присылки им вооруженного отряда в Казань. Дело в том, что исследователь не учитывает событий, происходивших вокруг Астрахани в это время. Прочитаем интересующий нас фрагмент: «Мамай мурзын сын приехал до нас з десятиа тысячами людей, хотячи мне послугу вчинити направитку неприятеля вашей милости московского, и очтарханскии Аврагман царь прислал тысячу людей мне на помочь; тыи те же и вси люди теперь при нас есте» [Мустафина, 1997, с. 33; Eskin, Grala, 2016, р. 206]. Здесь сообщается о том, что на помощь Казани пришли отряды сына ногайского Мамай-мирзы и астраханского хана Абд ар-Рахмана. К.Ю. Ерусалимский предполагает, что это могло иметь место до августа 1524 г. Но это сомнительно не только потому, что Абд ар-Рахман стал ханом Хаджи-Тархана не ранее 1533 г., но и по той причине, что в 1522–1524 гг. ногаи враждовали с Хаджи-Тарханом, и возглавлял антихаджитарханскую политику Мамай! Хусейн, правивший в то время, призывал казанцев совершить поход против Мамаю, а тот в свою очередь попытался (правда неудачно) захватить Хаджи-Тархан и срыть его укрепления. После поражения Мамай был вынужден откочевать на Северный Кавказ и на время выбыл из активной политики [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 261об., 263–263об., 270об.]. Таким образом, совместная помощь ногаев и астраханцев Казани не могла быть оказана в 1522–1524 гг., поэтому предложенную К.Ю. Ерусалимским датировку принять нельзя и следует вернуться к датировке, предложенной Х. Гралею и Ю.М. Эскиным (зима-весна 1537 г.). Второе послание «варшавской подборки» представляется весьма любопытным. В отличие от первого, оно короткое и содержит два блока информации. Первый блок посвящен тому, что против московских сил казанский хан призвал 10-тысячный отряд сына Мамай-мирзы Али и тысячный – из Астраханского ханства. Второй блок – просьба прислать ему 1 000 золотых для раздачи знати [Мустафина, 1997, с. 34; Eskin, Grala, 2016, р. 198, 207]. Сведения первого блока находят очевидную параллель в русских

источниках. Нам известно, что в обороне Казани 10 июля 1530 г. приняли участие как раз ногайский отряд сына Мамай и астраханцы [ПСРЛ-13, с. 47]. Высказанное К.Ю. Ерусалимским сомнение в авторстве послания Сахиб-Гиреем, с нашей точки зрения, справедливо. Полагаем, можно признать, что это послание все того же Сафа-Гирея, и было оно написано до 10 июля 1530 г.

Подводя итог этим рассуждениям, можно признать, что «варшавская подборка» — это подготовленная подборка посланий по сведениям о казанско-литовских дипломатических контактах, но выполнена она не в хронологической последовательности. Открывает ее послание 1537 г., затем идет послание, написанное до июля 1530 г., затем идет грамота Сахиб-Гирея от начала 1520 г. и краткие описания посланий от Сафа-Гирея и его окружения, датируемые серединой 1520-х гг. Отталкиваясь от этого, можно сделать следующие выводы.

В 1530 г. Сафа-Гирей попытался противопоставить великому князю Василию III Ивановичу объединенные силы Казанского, Астраханского ханств и Ногайской Орды, которые содержались бы на средства Сигизмунда I Старого. Для получения этой помощи Сафа-Гирей описывает этот свой союз как помощь Великому князю Литовскому в его борьбе с Московским государством. Однако эти усилия не были успешными. Из послания Сигизмунда I «паном радам Великого князства Литовского» от 8 ноября 1538 г. становится известно, что 1000 золотых, отправленная казанскому хану, была перехвачена крымским ханом¹.

Более действенным оказался союз с частью ногайской знати. Мамай, будучи тестем хана Сафы, в 1530-е гг. занимал последовательную антироссийскую позицию, участвуя в нападениях на московские границы и отказываясь поддерживать с русскими дипломатические отношения. Бий Ногайской Орды сообщал в октябре 1537 г., что Мамай, занявший в иерархии этого степного вожества позицию калги (наследника престола), «...к тебе ныне посла не послал», так как у него на великого князя «гнев есть» [ПКСРНО, с. 199]. Возможно, отголоски похода января 1537 г. содержатся в послании Урак-мирзы за октябрь 1537 г., который в это время кочевал на правом берегу Волги. Он сообщал, что ему удалось остановить нескольких людей от некоего похода на русские земли [ПКСРНО, с. 203]. Можно полагать, что несмотря на то, что Сафа в своем послании рисовал этот поход как весьма успешный и поддержанный ногаями, в реальности успех был сомнительный. Во всяком случае, осенью 1537 г. значительная часть ногайской аристократии выступала за мирные отношения с Московским государством, а Мамай, упорно отстаивающий интересы продолжения войны, лишился привилегированного положения ногайского «калги» [ПКСРНО, с. 199, 203]. Общей антимосковской коалиции у казанского хана не получилось. Кроме ногаев, от возможного союза еще раньше откололись астраханцы. 30 августа 1537 г. в Москву из Астраханского ханства вернулся московский посланник Федор Быков, которого сопровождал

¹ Этот документ был выявлен С.В. Полеховым. Сейчас готовится его публикация.

астраханский посол Ишим-бек с предложением мирных и союзных отношений [ПСРЛ-13, с. 120].

В ноябре 1537 г. крымский хан Сахиб-Гирей попытался оказать на великого князя Ивана IV Васильевича давление, чтобы принудить его к восстановлению мирных отношений с Казанью [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 419–421об.]¹. В своем послании хан недвусмысленно указывал, что Казань — это его владение, и если война продолжится, то Сахиб выйдет для ее защиты. Особо в послании подчеркивалось, что это будет не только татарское войско: «А не помысли себе того, что с одними таттары буду, oprичь тех, которые в наших волях, татарские рати, а oprочь пушечного и пищального наряду, счясливаго Хандикеря, вселенского величества, конную рать и янычен, холопов, взяв, иду...» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 419об.–420]. Кроме этого, Сахиб-Гирей был готов пойти на разрыв дипломатических отношений в случае если Москва не примирится с Казанью [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 420]. Завершала послание прямая угроза великому князю Ивану Васильевичу: «А опосле в думе не будет помочи, нечто по первому реку Оку хребет себе хочешь держати, и ты на воду не надейся, Оки-реки тебе не покажут, и ты б ранее себе прямо помыслил про свое дело, а не помысли себе того, что как Магмет-Кирей царь приходил, боле того со мною будет силы, и рати, и мочи, так бы еси ведал, oprичь моей рати будет со мною сто тысяч турской рати да пять тысяч янычен, так бы еси ведал...» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 421–421об.]. Посредничество Сахиба возымело действие. 22 февраля 1538 г. из Москвы в Казанское ханство отправили Гордея Брейцина с человеком Сахиб-Гирея — Телевлю [ПСРЛ-13, с. 122]², о чем уведомляли крымского хана [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 479–481об.].

10 марта 1538 г. Брейцин вернулся в Москву с казанским послом Хусейн-беком с мирными предложениями [ПСРЛ-13, с. 122–123]. С этого момента стартовали мирные переговоры, ознаменовавшие завершение военного конфликта 1536–1537 гг. 8 апреля 1538 г. из Москвы были отправлены к Сафа-Гирею казанский посол Хусейн-бек с русским посланником Юшкой Григорьевым сыном Свинымым. Юшка вез грамоту от великого князя Ивана IV, в которой содержалось предложение помириться. 12 мая 1538 г. Свинын вернулся в Москву в сопровождении ханского ключника погребного Кул-Ахмета, который привез примирительное послание от Сафа-Гирея [ПСРЛ-13, с. 123]. 29 мая в Казань был отправлен Дмитрий Борисов сын Скобельцын с посланием, в котором сообщалось, что к хану будет отправлен Игнатий Иванов сын Яхонтов [ПСРЛ-13, с. 124].

И.И. Яхонтов вместе с И.В. Тетереным-Пухом был отправлен в Нижний Новгород 18 августа 1538 г. с предписанием дожидаться великокняжеского распоряжения о дальнейших действиях. Тем временем в Москву вернулся Скобельцын с человеком Сафа-Гирея Чурой Кадышевым. Кадышев привез послание, в котором сообщалось

¹ О посредничестве Сахиб-Гирея см.: [ПСРЛ, т. 13, с. 121].

² Предложение отправить для переговоров с Сафа-Гиреем «паробка» Телевлю содержится в послании Сахиб-Гирея от ноября 1537 г. См.: [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 420–420об.].

об отправке к великому князю большого посла [ПСРЛ-13, с. 124–125]. Таким образом, после интенсивного обмена посланиями в феврале–мае 1538 г. стороны, очевидно, выработали принципы, на которых было возможно шертование и выход из затянувшегося кризиса, что и было ознаменовано решением произвести обмен послами.

1 сентября 1538 г. в Москву прибыло большое посольство от крымского хана Сахиб-Гирея, которое возглавлял Дивей-мирза [ПСРЛ-13, с. 125]. 4 сентября великий князь послов принял, а 5 сентября состоялись переговоры [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 529, 547]. На переговорах стороны коснулись и судьбы Казани. Крымские послы увязывали вопрос мирных отношений между Московским государством и Крымским ханством с умиротворением Москвы и Казани [ПСРЛ-13, с. 125]. После этих переговоров, 20 сентября 1538 г., великий князь Иван IV Васильевич отпустил в Казань Чюру Кадышева вместе со своим гонцом Петром Федчищевым с грамотой, в которой сообщалось, что скоро будет отпущен в Казань русский посол. 30 октября П. Федчищев вернулся и привез грамоту от хана Сафа-Гирея, в которой сообщалось, что хан отпустит своего посла в Москву, как только прибудет русский посол в Казань. После этого Иван IV распорядился об отправке И.И. Яхонтова из Нижнего Новгорода в Казань [ПСРЛ-13, с. 125–126]. 7 февраля 1539 г. из Казани приехал Иван Буйносов с человеком хана Сафа-Гирея, который привез грамоту, в которой хан требовал прислать к себе посла «лучши Игнатиа Яхонтова, а царь посылает болших своих послов добрых людей» [ПСРЛ-13, с. 127]. 10 апреля 1539 г. в Казань был отпущен гонец хана Баки в сопровождении Судока Васильева сына Мянова с грамотой. В этом послании великий князь сообщал, что «по многomu прошению брата нашего Саип-Гирѣя царя Крымскаго послал наперед своего посла, а ты к нам не пошлеш своих послов добрых людей» [ПСРЛ-13, с. 128]. Прения о больших послах продолжились и позднее. 2 июня 1539 г. Судок Мясной вернулся в Москву с ханским человеком Бакшандой, и стороны вновь обменялись посланиями о больших послах [ПСРЛ-13, с. 129]. Только 17 августа 1539 г. стало известно, что Сафа-Гирей отпускает своих больших послов: Алла-берди-оглана сына Аппай-оглана и других «своих больших послов». Ханский гонец Хусейн-бек Малый испросил для послов опасную грамоту [ПСРЛ-13, с. 129]. 12 сентября 1539 г. бек Хусейн Малый вместе с Неклюдом Девочкиным и опасными грамотами отправились в Казань [ПСРЛ-13, с. 130]. Казалось, препоны для шертования и умиротворения устранены, но 12 ноября 1539 г. в Москву вернулся Н. Девочкин, вместе с ним с грамотой от хана приехал Хозяш. В этой грамоте хан сообщал, что Хусейн-бек рассказывал в Казани, что великий князь собирается послать на него свое войско, а потому он не послал своих больших послов. Хозяша отправили в Казань, а с ним, по просьбе Сахиб-Гирея, послали Урака сына Булата и крымского татарина Пашу с посланием [ПСРЛ-13, с. 130–131].

18 декабря 1540 г. казанские отряды оказались около Муромы. В сражении под городом казанцы были разбиты, касимовские татары разбили загонные отряды и освободили пленников. Сафа-Гирей отступил, но русские воеводы и Шах-Али не пустились за

ним в погоню. Переговорный процесс был сорван. Мирное урегулирование так и не увенчалось успехом. Стороны приготовились к новому раунду войны.

1530-е гг. оказались важнейшим этапом в русско-казанских отношениях. В 1530 г. русским войскам удалось сломить сопротивление казанцев и принудить их к мирным переговорам, навязав невыгодный договор, по которому Москва должна была получить всю татарскую артиллерию, что ослабило бы оборонительные возможности Казани. Сафа-Гирею удалось затянуть переговорный процесс, а после того как казанцы сместили его и возвели на престол Джан-Али, им удалось добиться от русских согласия на сохранение в Казани артиллерии. Не исключено, что само свержение Сафа-Гирея было всего лишь тактическим маневром для отвлечения внимания Кремля от казанских дел¹. С другой стороны, Сафа-Гирей проводил довольно активную внешнюю политику. Уже в 1530 г. он отправил посольство к Сигизмунду I Старому, пытаясь получить от него финансовую помощь и тем самым привлечь его к русско-казанскому конфликту. Впрочем, именно этот вектор внешней политики Казанского ханства оказался безнадежным. А вот последовательные действия по созданию коалиции с Астраханским ханством и Ногайской Ордой оказались вполне успешными, хотя и опиралась эта политика не на консолидированную волю этих государств, а на симпатии отдельных влиятельных лиц в них. Так, в Ногайской Орде Сафа-Гирей опирался на поддержку своего тестя Мамая и на его клан. Активные нападения на русские окраины в 1535 – зимой 1537 гг. позволили казанцам остановить крестьянскую колонизацию казанских земель волжского левобережья. Однако казанско-астраханско-ногайский союз не был устойчивым. В августе 1537 г. Астраханское ханство отказалось от продолжения антимосковских действий и предложило Московскому государству мирные отношения. Осенью 1537 г. и большинство ногайских мирз отказались от продолжения конфликта. Казалось, русская дипломатия сумела переломить ситуацию и лишила Сафа-Гирея союзников. Положение спасло вмешательство крымского хана Сахиб-Гирея. Именно его давление на московское правительство вынудило русских возобновить переговоры с Сафа-Гиреем. Впрочем, обе стороны (и Москва, и Казань) не доверяли друг другу. В течение года они обменивались гонцами и послами, не решаясь обменяться большими послами. В начале 1539 г. Сафа-Гирей стал уже откровенно затягивать переговоры, а в ноябре 1539 г. он их дезавуировал, отказавшись посылать в Москву больших послов под предлогом того, что великий князь готовит вторжение в Казанское ханство. Шанс для мирного урегулирования русско-казанских отношений был упущен.

¹ Д.А. Котляров пишет в духе советской историографии о расколе в Казанском ханстве между «кочевой аристократией из Крыма и Ногайской Орды, которой ограничение казанского суверенитета со стороны Москвы угрожало потерей преимуществ, связанных с полновластным хозяйничаньем в Казани, и стремлением к миру основной массы населения государства, чью волю и выражало "собрание всей земли". Большинство населения было готово поступиться не имеющим для них реального значения казанским суверенитетом, чтобы обеспечить спокойствие своей страны», что и использовала часть аристократии, чтобы прийти к власти [Котляров, 2017, с. 211–212]. Впрочем, эти утверждения не представляются бесспорными – хотя бы потому, что все известные нам участники переворотов в Казани в 1530-е гг. и так были во власти, да и персональный состав их во всех случаях один и тот же [Моисеев, 2013, с. 26–27].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Беляков А.В. Бакшей — эволюция понятия // *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 60–71.
- Ващук Д. Епістолярна спадщина царя казанського Сафи-Гірея: Листи до польського короля і великого князя литовського Сигізмунда I Старого // *Крим від античності до сьогодення: Історичні студії*. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 120–127.
- Дмитриева Р.П. Марк Левкеинский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2. (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 102–103.
- Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // *Золотоордынское обозрение*. 2017. Т. 5. № 4. С. 866–920.
- Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
- Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // *Исторический архив*. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1950. С. 3–39.
- Илюшин Б.А. Казанские войны Василия III. Казань: Логос-Пресс, 2021. 428 с.
- Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 352 с.
- Моисеев М.В. Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI в. // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2014. Вып. 6. С. 84–90.
- Мустафина Д.А. Послание царя казанского // *Гасырлар авазы=Эхо веков*. 1997. № 1/2. С. 26–38.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 8. 312 с.
- ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. 544 с.
- ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2005. Т. 22. 896 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. (ПКСРНО). Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995. 356 с.
- Почекаев Р. Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8.
- Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // *Исторические записки*. 1954. Т. 46. С. 278–288.
- Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.
- Eskin J.M. Grala H. Girejowie i Wielkie Księstwo Litewskie w latach 1536–1537, in *Świat historyka. Studia ofiarowane Prof. Janowi Tyszkiewiczowi*. Red. M. Nagielski, G. Rostkowski. Pułtusk, 2016. Pp. 191–211.

REFERENCES

- Belyakov A.V. *Bakshei – evolyuciya ponyatiya* [Baksheys: Evolution of the Concept], in *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 60–71 (in Russian).
- Vashchuk D. Epistol'yarna spadshhina czarya kazans`kogo Safi-Gireya: Listi do pol`s`kogo korolya i velikogo knyazya litovs`kogo Sigizmunda I Starogo [Tsar Safa-Giray's Correspondence: Letters to Polish King and Grand Duke of Lithuania Sigismund I The Elder], in *Krim vid antichnosti do s`ogodennya: Istorichni studii* [Crimea from Antiquity to the Present: Historical Studies]. Kyiv: Institute of History of Ukraine Publ., 2014. Pp. 120–127 (in Ukrainian).
- Dmitrieva R.P. *Mark Levkeinskij [Mark Levkeinsky] in Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 2. (vtoraya polovina XIV–XVI v.)* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia. Iss. 2. (the second half of the 14th–16th centuries)]. Vol. 2. L–YA. Leningrad: Nauka Publ., 1989. Pp. 102–103 (in Russian).
- Erusalimskij K. Ju. Krymskoe hanstvo, Rech' Pospolitaya i Rossijskoe gosudarstvo v 1524–1571 gg.: Posol'skaya perepiska iz arhiva Velikogo knyazhestva Litovskogo [The Crimean Khanate, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian State in 1524–1571: Embassy correspondence from the archive of the Grand Duchy of Lithuania], in *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2017. Vol. 5. No. 4. Pp. 866–920 (in Russian).
- Zajcev I.V. *Astrahanskoe hanstvo* [Astrakhan Khanate]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2006. 303 p. (in Russian).
- Zimin A.A. *Kratkie letopisy XV–XVI vv.* [Brief chronicles of the XV–XVI centuries], in *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive]. Moscow–Leningrad: AN SSSR Publ., 1950. Pp. 3–39 (in Russian).
- Ilyushin B.A. *Kazanskie vojny Vasiliya III* [Kazan Wars of Vasily III]. Kazan': Logos-Press, 2021. 428 p. (in Russian).
- Kotlyarov D.A. *Ot Zolotoj Ordy k Moskovskomu carstvu: vhozhdenie narodov Povolzh'ya v sostav Rossii* [From the Golden Horde to the Moscow Kingdom: the entry of the peoples of the Volga region into Russia]. St.-Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2017. 352 p. (in Russian).
- Moiseev M.V. *Shertnye gramoty v kontekste russko-nogajskih otnoshenij v XVI v.* [Charter of shert in the context Russian-Nogai relations in 16th century], in *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2014. Vol. 6. Pp. 84–90 (in Russian).
- Mustafina D.A. *Poslanie carya kazanskogo* [The message of the Tsar of Kazan], in *Gasyrlar avazy=Ekho vekov*. 1997. No. 1/2. Pp. 26–38 (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL)* [Russian Russian Chronicles Complete Collection]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2001. Vol. 8. 312 p. (in Russian).
- PSRL*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. Vol. 13. 544 p. (in Russian).
- PSRL*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2005. Vol. 22. 896 p. (in Russian).

Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj 1489–1549 gg. [Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde of 1489–1549]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. 356 p. (in Russian).

Pochekaev R.Yu., Pochekaeva I.N. *Vlastitel'nicy Evrazii. Istoriya i mify o pravitel'nicah tyurko-mongol'skih gosudarstv XIII–XIX vv.* [The Rulers of Eurasia. History and myths about the rulers of the Turkic-Mongolian states of the 13th–19th centuries]. Sankt-Petersburg: Evraziya Publ., 2012. 384 p. (in Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts] (RGADA). F. 89. Inv. 1. Kn. 1.

RGADA. F. 123. Inv. 1. Kn. 8.

Tihomirov M.N. *Zapiski o regentstve Eleny Glinskoj i boyarskom pravlenii 1533–1547 gg.* [Notes on the Regency of Elena Glinskaya and boyar rule 1533–1547], in *Istoricheskie zapiski*. 1954. Vol. 46. Pp. 278–288 (in Russian).

Hudyakov M.G. *Očerki po istorii Kazanskogo hanstva* [Essays on the history of the Kazan khanate]. Moscow: INSAN Publ., 1991. 320 p. (in Russian).

Eskin J.M. Grala H. *Girejowie i Wielkie Księstwo Litewskie w latach 1536–1537*, in: *Świat historyka. Studia ofiarowane Prof. Janowi Tyszkiewiczowi*. Ed. by M. Nagielski, G. Rostkowski. Pułtusk, 2016. Pp. 191–211.

Статья принята к публикации 22.12.2021